

Анна Лисовская, Мария Роше

Унесённые "Призраком"

RUGRAM

УДК 82-31
ББК 84(2Рос-Рус)
Л63

Лисовская Элина, Роше Мария

Л63 Унесённые «Призраком» / Э. Лисовская, М. Роше. – М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2023. – 546 с. – (EverEnding Story).

ISBN 978-5-521-91625-2

Конец 18 века, Англия, Саутгемптон. Двухнадцатилетняя девушка, только что потерявшая отца, отправляется в свое первое морское путешествие. Она еще не знает, что корабль обречен... Юная шотландка убегает от навязанного ей брака и решается на отчаянный поступок... А где-то в Атлантическом океане по приказу молодого капитана расправляет белые паруса трехмачтовый «Призрак»...

Они непременно встретятся. И, может быть, узнают друг друга. Но какие проблемы потребуются решить на этот раз?

УДК 82-31
ББК 84 (2Рос=Рус)
ВІС FС
ВІSAC FIC000000

© Лисовская Э., 2023
© Роше М., 2023
© Каверелла К., оформление, 2023
© Лесной А., фотография, 2023
© RUGRAM, 2023
© Т8 Издательские технологии, 2023

ISBN 978-5-521-91625-2

*...Всё опять начнется с чистого листа:
Дым забвения твой образ заволок,
Но, наверное, на память неспроста
Аккуратно кем-то загнут уголок.
Я запомню глубину любимых глаз,
Ты найдешь мой след в неведомой дали,
И поверь, что б ни случилось в этот раз,
Мы вернемся, как из бездны корабли...*

Глава первая

Казалось, её, спящую, теплую, беззащитную, внезапно окатили холодной водой. Сердце отчаянно колотилось, кровь стучала в висках, глаза смотрели – и отказывались верить увиденному. В голове творилось невообразимое: мысли путались, мелькали странные картинки, звучали незнакомые голоса...

Сидящий напротив мужчины оглядел её, недовольно поджав губы:

– Ты похожа на вытащенную из воды рыбу, Кэтрин. Это всего лишь ветер.

Он протянул руку и захлопнул приоткрытое окно кареты, в которой они ехали вдвоем. Пригляделся к проплывающим мимо темным пятнам:

– Еще пара миль – и мы в Саутгемптоне.

Она медленно обвела взглядом скромное внутреннее убранство четырехместной кареты, у которой, судя по тряске и характерному скрипу, не было ни пружин, ни рессор. Удивительно, как в подобных условиях ей вообще удалось задремать.

Еще более удивительным был приснившийся сон.

Даже сном его трудно назвать. Как будто на какое-то время она полностью перенеслась

в другой мир, в другое время и в совершенно другую жизнь. Еще пару мгновений назад она могла бы вспомнить подробности... но, как это часто бывает с неожиданно прерванными сновидениями, образы и события растаяли в памяти, оставив лишь послевкусие. Горькое – и волшебное, словно после первого поцелуя.

Она опустила глаза и уставилась на свое черное шелковое платье. Кашемировая шаль на её плечах тоже была черной.

– Когда моя милая сестра говорила, что после смерти отца ты ведешь себя странно, я не поверил, – пристально глядя на неё, проговорил мужчина. – Но теперь вижу, что так и есть. Ничего, это пройдет. Длительное морское путешествие и смена обстановки – лучшее средство от печали. Я уверен, что когда осенью ты вернешься домой...

– Осенью? – невольно вырвалось у нее. Разве морские путешествия бывают такими долгими?

– Кэтрин, мы же все обсудили, – дядя Грэм вздохнул и поправил воротничок. – До Багамских островов примерно полтора месяца пути, может, больше, но будем надеяться на лучшее. Пару месяцев мы пробудем на острове Абако, затем отправимся назад, морем до Саутгемптона и – домой, в Хартфордшир. Как раз незаметно пролетят те самые полгода, которые необходимо выждать до оглашения завещания полковника Маккейна, твоего отца.

– А если мы задержимся? – Она с трудом проглотила застрявший в горле комок. – Море... оно такое непредсказуемое. К тому же, я слышала, путь до британских колоний небезопасен.

– Душечка, – самодовольно усмехнулся дядя Грэм, – поверь, тебе совершенно не о чем волноваться.

«Марион!»

Она резко подняла голову и испуганно огляделась. Крошечное пламя свечи, стоящей рядом на табурете, от её дыхания метнулось в сторону.

Надо же было промаяться полночи и заснуть, лежа на животе и уткнувшись лицом в подушку!

«Марион, ты слышишь меня?! Вставай, они пришли за тобой!..»

Звонкий мальчишеский голос до сих пор эхом звучал в ушах. Неделя прошла с того жуткого утра, когда ищейки, нанятые бароном Дугласом, напали на её след, но Мэри все еще умирала от страха, вспоминая подробности. Даже здесь, за сотню миль от Лондона, где преследователей видели в последний раз.

Когда труппа театра «Ройял» покинула Эдинбург и направилась в столицу Англии, Мэри испытала облегчение, наивно полагая, что теперь её будет труднее найти. Но люди барона, видимо, очень хотели получить награду за поимку беглянки, поэтому сразу же по приезду в Лондон наведались в помещение, снятое для проживания актеров. К счастью, Питер вовремя заметил их и помог девушке спрятаться. А на рассвете следующего дня этот пронырливый рыжий парнишка какими-то закоулками провел её к центральной почтовой станции и посадил на дилижанс до Саутгемптона.

С шести утра до пяти вечера Мэри тряслась в неудобной шестиместной карете в обществе незнакомых мужчин и женщин. Ночь они провели в Бейзингстоке, потом продолжили путь, и вот наконец вчера вечером дилижанс остановился возле портовой гостиницы, где приезжие коротали время в ожидании своего корабля.

Прогоревшая свеча мигнула в последний раз и погасла. В маленькой комнатке стало совсем темно. Мэри глубоко вздохнула, села на жесткой кровати и закуталась в одеяло.

Она не помнила, снилось ли ей что-нибудь. В душе царил опустошение, и девушка догадывалась, почему: очередная глава её жизни заканчивалась, и ей предстояло начать все заново, с чистого листа. Уже во второй раз. Как и год назад, было страшно

до дрожи, но она справилась тогда, справится и теперь. А потом...

– Соберись, Мэри-Энн, – строгим шепотом приказала она себе, подражая голосу матери. – Думаю, уже утро, поэтому приведи себя в порядок и отправляйся в порт, чтобы узнать, когда отходит корабль.

Девушка решительно сбросила одеяло, обула туфли, встала и отряхнула помятое платье. За последнее время Мэри привыкла спать, не раздеваясь. Если преследователи появятся ночью и придется бежать, она должна быть готова.

Вода в кувшине была ледяная. Мэри намочила маленькое полотенце, тщательно обтерла лицо и шею, вымыла руки и напоследок прополоскала рот. Прическу пришлось делать в темноте и без зеркала, но она не переживала: шляпка прикроет любые изъяны. Когда Мэри закончила, за окном уже посветлело. Выглянуть на улицу она побоялась, но, судя по доносившимся снизу громким голосам, жители Саутгемптона возвращались к ежедневным делам и заботам.

Вещей у неё с собой было немного: все уместилось в простой дорожный мешок, с которым обычно путешествовали служанки. Порывшись в нем, Мэри вытащила завернутый в салфетку кусок хлеба с сыром – скудный завтрак, приготовленный ей в дорогу сестрой Питера, Дженни. *Ах, Дженни, как забавно ты пела арию донна Херонимо из «Дуэньи» – со смеху можно было лопнуть!*

*«Что за проклятье – упрямая дочь:
Отцу, что ни день, огорченья и муки.
Поклонники, письма и прочие штуки,
А дельный жених изгоняется прочь.
Что за проклятье – упрямая дочь!»¹*

Девушка стряхнула крошки с платья и вытерла руки салфеткой.

.....
1 Ария из оперы «Дуэнья» Ричарда Бринсли Шеридана (1775 год)

– Ничего не бойся, Мэри-Энн, – с улыбкой прошептала она, проверяя, на месте ли письмо и кошелек с деньгами. – Ты уже в паре шагов от своей мечты.

За окном медленно проплывали жилые дома: сперва деревянные, одноэтажные, затем – каменные, в два или три этажа. Мелькали фигуры людей – спешащих куда-то мужчин и женщин. Пару раз мимо проехали встречные кареты. Невыносимо хотелось приказать кучеру остановиться, выбраться наружу и пройтись пешком, размять затекшую спину и ноги. Но нельзя: тут же налетят проголодавшиеся за ночь уличные попрошайки, начнут теревить, умолять, жалобить...

Дядя Грэм, что-то напевая себе под нос и по очереди закидывая ногу на ногу, начищал дорогие бархатные туфли специальной щеточкой.

«Если бы я писала о себе книгу, я бы начала её так: меня зовут Кэтрин Роуз Маккейн, и недавно я потеряла отца. Нет, не только отца: добрейшего человека, мудрого наставника, лучшего друга... Единственного, кто любил меня такой, какая я есть, просто за то, что я была в его жизни».

Кейт отвернулась от окна и поспешно смахнула слезы.

Мать говорила, что любят всегда за что-то: за молодость и красоту, за хорошее приданое, за приятный нрав и доброе сердце. У Кейт все это было, но особой любви к себе она никогда не ощущала. С шестнадцати лет её вывозили на званые обеды к соседям и светские собрания в столице, но у неё до сих пор не завелось ни одной подруги. Миссис Маккейн, её мать, утверждала, что Кейт виновата в этом сама: в приличном обществе полагается вести себя подобающе полу и возрасту, а не умничать, не дерзить и не высказывать свое мнение, когда об этом не просят.

«Неужели здраво рассуждать о вопросах добродетели, долга и проблемах воспитания – значит умничать? Неужели требовать, что-

бы тебя дослушали до конца, не перебивая смешками и глупыми шутками, – это дерзость?»

Карета остановилась. Дядя Грэм надел шляпу, взял свою трость и тяжело поднялся с протертого сиденья.

– Побудь здесь, Кэтрин, – сказал он. – Я загляну в контору, договорюсь с капитаном и оплачу наш с тобой проезд. А потом, надеюсь, мы сразу же отправимся на пристань, а наши вещи погрузят на корабль.

Мэри изрядно проплутала по городу, прежде чем кто-то из местных подсказал ей, где находится контора «Грейт Шип Компани», в которой можно купить билет. Антрепренер мистер Росс предупредил, что проезд в каюте первого класса обойдется ей очень дорого: от двадцати пяти до тридцати фунтов в зависимости от дальности путешествия и новизны корабля. Почти целый год Мэри добросовестно помогала миссис Спрингс шить театральные костюмы, изготавливать шляпки и маски, переписывала для актрис их роли, подсказывала им слова на репетициях, убирала гримерные комнаты и подмечала сцену после выступлений, поэтому теперь в спрятанном под одеждой кошельке у неё лежало почти сорок пять фунтов. Было больше, но дорога до Саутгемптона потребовала расходов; впрочем, по сравнению со стоимостью билета на корабль, совсем небольших.

Но самое ценное сокровище хранилось не в кошельке, а в висящем на шее мешочке, который Мэри ощущала при каждом вдохе, и часто, особенно в минуты тревог и сомнений, она вольно или невольно прикасалась к груди, чтобы убедиться, что он по-прежнему здесь. «Милый Эдвард...» – тотчас всплывало перед глазами, и на душе становилось радостно от осознания того, какое невероятное открытие ожидает её впереди...

– Мисс, – раздался совсем рядом тоненький, нежный голосок, и кто-то вежливо потянул Мэри за рукав платья. Она остановилась, обер-

нулась и увидела прелестную, бедно одетую девочку лет семи или восьми. Кроткое и невинное выражение её голубых глаз настолько поразило Мэри, что девушка улыбнулась и наклонилась к маленькой попрошайке.

– Милое дитя, – проговорила она, – должно быть, ты голодна? Хочешь, пойдем в пекарню и я куплю тебе что-нибудь?

– Мисс очень добра, – пролепетала девочка, делая книксен, – и я с удовольствием согласилась бы, но моя мать прибьет меня, если я наемся сама и не принесу ничего братьям и сестрам.

– Сколько же у тебя братьев и сестер? – спросила Мэри.

– Всего шестеро, мисс, – пересчитав по пальцам, ответила девочка, – и еще младенец, которого матушка кормит грудью. От голода у неё пропадает молоко, и приходится каждый раз платить полпенни соседке, чтобы она покормила его и он не умер. Поэтому, добрая мисс, если я не принесу хотя бы пенни, матушка прибьет меня.

– Господь всемогущий, – покачала головой Мэри, видя, как ясные глаза девочки наполняются слезами. – Милое дитя, я дам тебе два пенни, только не плачь.

Она отвернулась, вытащила из-под шерстяной накидки туго набитый кошелек, привязанный шнурком к поясу и, покопавшись в нем, вынула две медные монетки:

– Вот, держи.

– Благодарю вас, щедрая мисс! – воскликнула попрошайка, однако монеты не взяла. В один миг глаза её сузились, лицо застыло, губы плотно сжались. Мэри не успела опомниться, как девчонка вцепилась в кошелек обеими руками и с недетской силой рванула его к себе. Мэри вскрикнула, выпавшие монеты разлетелись и, звеня, покатались по мостовой. Шнурок лопнул, и кошелек остался в руках маленькой негодяйки, которая в тот же миг метнулась прочь в самый узкий из переулков. Девушка заметалась, не зная, то ли догонять ее, то ли собирать раскатившиеся монеты. Какая-то женщина, прохо-

дившая мимо, бросила корзину с бельем и подняла несколько серебристых кружков; Мэри полагала, для того, чтобы вернуть хозяйке, но женщина грубо оттолкнула её протянутую руку, подняла корзину и пошла себе дальше. Мэри побежала в переулок за девчонкой, но той уже след простыл. А когда она, оглушенная происшедшим, вернулась, то увидела убегающую стайку мальчишек, завладевших последними из рассыпанных ею монет. Девушка остановилась, беспомощно глядя по сторонам. Кровь ударила в голову, щекам стало горячо, а где-то внутри – невыносимо холодно. В глазах потемнело, и если бы Мэри не прислонилась к стене дома, то упала бы в обморок прямо посреди улицы.

Мамочка... мамочка...

Горло сдавило, она едва смогла сделать вдох. Слезы душили ее, обжигали глаза, щипали горящие щеки. Как же так... Как такое возможно? Произошедшее не укладывалось у неё в голове. Она не хотела верить, что это случилось именно с ней и именно сейчас, когда до достижения цели оставалось всего несколько шагов...

Что же теперь делать?!

В вышитом мешочке, рядом с её сокровищем, лежало еще несколько шиллингов, отложенных «на всякий случай». Их хватит, чтобы вернуться в Лондон, если в гостиницах по дороге не брать ужин и отдельные комнаты... но возвращаться было нельзя. Если Джейкоб Дуглас найдет ее, ей конец.

А он непременно найдет...

Мэри подавила рвущиеся наружу рыдания, вытерла глаза и огляделась. На неё уже косо посматривали: какие-то старухи, перешептываясь, показывали пальцем. И вдруг с противоположной стороны улицы прямо к ней решительно направился высокий мужчина в черном сюртуке.

Ищейка!

Мэри испуганной птицей сорвалась с места и бросилась в тот же переулок, куда чуть раньше убежала маленькая воровка. Свернула нале-